

М. А. ШЛЫКОВА
Липецкий пединститут

ОБ ЭКСПРЕССИВНОЙ РОЛИ ОТЫМЕННЫХ ГЛАГОЛОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

(Конспективное изложение вступления и первой
главы статьи)

Экспрессивность русских глаголов привлекала и привлекает внимание ученых, критиков, писателей. В последние 2—3 десятилетия написано много специальных исследований о словообразовании глаголов, об их внутривидовых значениях, о словообразовательных типах и лексико-семантических группах глаголов. В этих работах также говорится об экспрессивных качествах глаголов.

Однако пока еще отыменные глаголы с их экспрессивными особенностями, как правило, не выделяются из глаголов неименного образования (Пешковский стоит особняком).

Между тем, есть научные основания для специального рассмотрения глаголов, образованных от основ имен существительных и имен прилагательных, что и является темой нашей статьи.

Статья построена на наблюдениях над устной разговорной речью и на анализе языка следующих мастеров русского слова: Грибоедова (драматический жанр), Пушкина (лирика), Лермонтова (лирика), А. Кольцова, Тютчева, Блока, Есенина, Маяковского, Твардовского, А. Вознесенского; прозы: Достоевского, Тургенева, Паустовского, А. Толстого, Шолохова, Г. Николаевой, Залыгина, К. Федина, Тендрякова. Кроме того, привлечены два памятника XVII века, наиболее ярко отражающие разговорную русскую речь эпохи станов-

ления национального русского языка, а именно: все сочинения протопопа Аввакума и «Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия (АН СССР, 1965 г.). Всего мы располагаем 2712 примерами, не считая фактов устно-разговорной речи.

Анализ материалов и элементарная статистика показали, что, в художественной речи (всех жанров), как и в устно-разговорной, преобладают глаголы с отсубъектными основами: в художественной речи из 2712 примеров 1949—это глаголы, образованные от основ сущ., 763—от основ прилагательных, т. е. первых в 2,2 раза больше вторых. Этот факт объясняется не только численным превосходством существительных как лексико-грамматического класса слов, но и большим разнообразием тематических и лексико-семантических групп этой части речи, более широкими возможностями переносного и переносно-метафорического использования имен существительных.

Прослежена и «доля» отыменных глаголов в художественной речи, их процентное соотношение с аналитическими, распространенными описательными формами выражения примерно того же логико-смыслового содержания (стал грустным—загрустил; похолодел, застыл, как лед—заледенел). Показатели таковы: на 30—35 случаев употребления отыменных глаголов один случай аналитических, описательных форм. Этот факт приводит к заключению: художники слова явно предпочитают аналитическим формам отыменные глаголы.

Наблюдение свидетельствует: 1) отыменное образование глаголов как продуктивный способ словообразования является и в настоящее время одним из мощных источников пополнения и развития лексики и экспрессивных средств устно-разговорной и художественной речи; 2) эта тенденция в какой-то мере противостоит другому процессу, совершающемуся в современном русском языке,—процессу образования аналитических способов выражения, характеризующих прежде всего формы письменной речи (деловой, научной) и те жанры устной, которые подвергаются сильному воздействию письменной (всякого рода официальные, публичные выступления); 3) речь художественной литературы (особая сфера осуществления языка как системы), опираясь, своеобразно в каждую данную эпоху, на национальный литературный язык, сохраняет глубокую связь

с устно-разговорной речью: эта связь проявляется в постоянном взаимодействии в области лексики и в области создания средств экспрессии и выражения эмоций; 4) одни и те же качества отыменных глаголов привлекают к себе и рядовых людей в их неосознанном стремлении сделать речь выразительной, и мастеров слова. Писатели используют народное словотворчество, культивируют его, создавая множество отыменных глаголов-неологизмов, которые выполняют различные эстетические функции: они выступают как средство живописного, красочного отражения объективной действительности; становятся выразителями различных эмоций, оценок мира, предметов и человека.

Эти качества отыменных глаголов вытекают из их природы — природы слов-гибридов. Образуюсь от основ существительных и прилагательных в сочетании с глагольными аффиксами, они впитывают в себя все лучшее от этих знаменательных частей речи: семантическое и стилистическое богатство первых и многочисленные экспрессивные оттенки глагольных аффиксов. Отыменные глаголы чаще всего в своем значении не сводятся к обозначению действия (акта, процесса, состояния), в них на первый план выдвигается не понятийное значение действия, а чувственно-образная характеристика его, социальные, эмоциональные оценки. Субстанция или признак ее, данные в основе, соединяясь с глагольными слово- и формообразующими аффиксами, создают качественно-новые слова, в которых предметы, абстрактные понятия, признаки предстают в их становлении, своеобразии бытия, развития, переходах от одного состояния в другое. Так, одно слово совмещает в себе иногда несколько понятий, которые находят и иное выражение: или в аналитических формах или даже в развернутых оборотах речи, в целых предложениях. Именно в этом качестве, в этой лексико-семантической и экспрессивной емкости и совмещенности, эмоциональной насыщенности и заключается секрет широкого использования отыменных глаголов в художественной речи, спецификой которой является образность. Само по себе слово, отыменный глагол настолько выразителен, что не требует дополнительных, лежащих вне него, каких-то образных средств для изображения действительности, что и подтверждается нашими материалами.

Поясним мысль несколькими примерами.

Премьер погладил ее (Дашину) голую руку, *пробархатил*... (А. Толстой).

Основой глагола *пробархатил* является существительное бархат. Но в этом случае имеется в виду не ткань — бархат, а только одно его качество — мягкость; мягкий, ласковый тембр голоса премьера (актера) ассоциировался у художника (и у нас, у читателей) с таким же свойством бархата; с помощью глагольных аффиксов произведен глагол, живописный, создающий образ звучания. Так «оглавлено» впечатление, которое производила речь актера; хотя словесного обозначения понятия речи (проговорил, произнес) и нет, глагольность заключена в грамматических приметах этой части речи.

Другой пример.

Если, друг, тебе *сгрустнется*, Ты не дуйся, не сердись:
Все с годами пронесется — Улыбнись и *разгрустись*
(Лермонтов)

Суц. *грусть* обозначает чувство, эмоцию. На эмоциональную основу наслаиваются экспрессивные оттенки, привносимые глагольными аффиксами: глагол *сгрустнется* выражает внезапное появление легкого, безотчетного чувства грусти; эта экспрессия создается суффиксом *нү-*, безличной формой глагола, возвратной частицей *ся-* (срав.: что-то не поется). Второй глагол *разгрустись* выражает побуждение, пожелание избавиться от грусти. Неожиданность префикса *раз* при данной основе, полярного по значению в глаголах *развеселись*, *рассмейся* (полнота и широкий охват действием), создает особую тональность, интимно-лирическую, чуть шутливую.

Но у Есенина находим другую экспрессивную окраску того же по основе глагола:

С чьей-то ласковости вешней *Отгрустил* я в синей мгле
О прекрасной, но не здешней Неразгаданной земле.

В этом отрезке статьи рассматриваются только глаголы с отсубъектными основами и с одной точки зрения: с точки зрения их семантической емкости и совмещенности. Под этим углом зрения глаголы с отсубъектными основами разделяются нами на четыре группы.

Глаголы I группы выступают в качестве простых, синтетических форм, легко противопоставляемых аналитическим:

Мати моя *овдовела* (срв: стала вдовой), а я *осиротел*
(срв: стал сиротой. Прот. Аввакум). *Невестится* (становит-

ся невестой) наша (А. Толстой). Такого рода образования являются простейшим типом отыменных глаголов и не представляются специфичными для художественной речи, напротив: они встречаются во всех речевых жанрах, не исключая научного (инфинитив *оглаголился*. Шахматов. Синтаксис русского языка; фонетизируются, грамматизируются. Сердюченко. Проблемы изучения языков Африки и Азии). Таким глаголам присуща экспрессия непринужденно-разговорной речи и только.

Глаголы II группы совмещают в себе значение отсубъектных основ и значение лексически полноценных, при этом самых разнообразных глаголов. Они уже не эквивалентны аналитическим формам и обладают большей живописной и экспрессивной силой.

Доску с надписями *пригвоздиша* по кресту. (Прот. Аввакум). Светит месяц. Синь и сон!. Хорошо копытит конь. (Есенин).

В глаголах III группы совмещается значение отсубъектной основы, значение действия, привносимого глагольными аффиксами, и качественные характеристики способа или образа действия, заключенные в основе. Наличие качественной характеристики в этой группе глаголов делает совершенно ненужными при них обстоятельства образа действия, что и подтверждается нашими материалами:

— Ну и того, полно-*побоярила*: надобе попасть в небесное боярство (прот. Аввакум); Ветер *парусил* белую юбку (А. Толстой).

Не идем, а летим, не летим, а *молниемся* (Маяковский).

В глаголах этой группы потенциально присутствуют неразвернутые сравнения, и обычно в художественной речи такие глаголы употребляются в переносно-метафорическом значении, являясь самой лаконичной, чувственно-образной формой выражения.

Сколько ни будет *ручьиться* слез, — не замыть, тоски (Шолохов); Там и сям на равнине торчат сухие деревья, которые бессильно приподнимают священную ткань неба и заставляют ее *холмиться*... (Блок).

При стилистически нейтральных глаголах в качестве экспрессивно-образных определений или обстоятельств выступают причастия и деепричастия, образованные от глаголов с основами от существительных. Ты спишь, *склубясь*

змею... (Блок). Срв: ты спишь, свернувшись в клубок, как змея; ты спишь, свернувшись клубком, как змея. Блокковский вариант самый емкий и лаконичный. Вот опять петухи кукурекнули в обособленную тишину (Есенин).

Глаголы IV группы представляют собою самое сложное семантическое целое, содержание которого не может быть передано аналитическим способом! Оно может быть раскрыто распространенными описаниями, законченными синтаксическими оборотами. Одно такое слово выполняет функцию предельно сжатого, живописного, эмоционально окрашенного выражения целых картин действительности, глубоких душевных переживаний человека.

Сердце метелит твоя улыбка (Есенин); Шаманит лескудесник про черную судьбу (Его же); Ободренный знаками всеобщего удовольствия, рядчик совсем завихрился... так защелкал и забарабанил языком (Тургенев); Перехожу к осени, к первым ее дням, когда уже начинается «сентябрь» (Паустовский):

Таким образом, кроме глаголов I группы, представляющих собою синтетические формы, которым легко противопоставляются аналитические, глаголы II, III и IV групп несравненно более сложны по своей семантике: Эти «гибриды» совмещают в себе значения основ существительных со значениями лексически полноценных глаголов, плюс живописующая характеристика действия, плюс развернутые сравнения и т. д.

Несколько условно можно сказать, что глаголы II—IV групп синкретичны по своей сущности, но это не стихийный, не первобытный синкретизм (хотя и такой имеет место в разговорной речи), а культивируемый мастерами слова.

